

Иванов М.В.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Поэт и аналитик сознания (к 70-летию В.М. Аллахвердова)

25 декабря 2016 года Виктору Михайловичу Аллахвердову исполняется 70 лет. Я знаю его почти полвека, а значит, и сам ...повзрослел на этот самый срок. И могу сказать, что моя жизнь – и внешняя, и внутренняя – была бы существенно другой, если бы мне, студенту-филологу, не посчастливилось встретить на военных сборах психолога четвертого курса Виктора Аллахвердова. Разумеется, личные переживания не могут быть основным предметом научной статьи, они даже способны создать автору некоторые

трудности в изложении своей позиции, потому что не так легко сочетаются два плана: близкий, бытовой, земной – и дальний, теоретический, очищенный от суетливой прозы жизни. И я признаюсь, что сам иногда чувствую странность того, что встречаюсь, беседую, спорю с человеком, книги которого стоят у меня на особой полке, рядом с Пушкиным, Вертгеймером, Бёлем, Жванецким, Бахтиным, Лотманом, Пайпсом. Это книги, которые я перечитываю для удовольствия и укрепления ума, и их авторам отвожу место, скорее, на Олимпе. Но все-таки, есть смысл мне обратиться к размышлениям о научном пути Аллахвердова. Чистые психологи будут обсуждать с ним механизмы психики, от которых идет далекий путь к механизмам культуры. Меня же интересовала научная сторона именно содержательной наполненности психического процесса. Поэтому, раскрывая свое понимание основ теории Аллахвердова, я хотел бы показать, какие следствия для гуманитарных наук проистекают из его главных идей. Кроме того, стоит коснуться биографических моментов научного пути Виктора Михайловича, потому что он не просто вырабатывал идеи, а создавал научное движение, школу, – и они связаны с нашим городом и с нашим Университетом.

Есть серьезное основание подумать и поговорить о том, как замечательный ученый являет собой то, что лежит в рамках обычной, привычной повседневности и притом несет на себе печать оригинальности, парадоксальности, значительности. Идеи Аллахвердова – это значительное достижение современной культуры – не только психологии, но и культуры в целом: философии, искусствознания, педагогики, социологии. Теория сознания Аллахвердова по масштабу соотносима с самыми крупными и самыми известными психологическими теориями. Ей присущи универсальность, широкий охват эмпирического материала, эвристичность, скоординированность с важнейшими психологическими идеями прошлого,

---

совместимость с новациями смежных наук. Можно ожидать формирования новой психологической парадигмы в науке.

Стоит сказать о том, как видится путь Виктора Михайловича в науку. Он родился в 1946 году в семье ленинградских интеллигентов (отец – крупный строитель, мать – преподаватель музыки), учился в школе гимназического типа и посещал музыкальную школу, занимался коллекционированием открыток (репродукций мировой живописи), увлекался шахматами, футболом и настольным теннисом, исключительно много читал. В 1965 году по окончании школы Аллахвердов поступил на электротехнический факультет Ленинградского института инженеров железнодорожного транспорта (ЛИИЖТа), где в течение двух лет получил серьезное общетехническое и математическое образование (заодно посещая лекции по математике на матмехе ЛГУ). Факультет психологии был открыт в ЛГУ в 1966 году. Его создатель, академик Б.Г. Ананьев, мыслил вырастить когорту высокоинтеллектуальных и серьезных студентов, которые должны были стать эталонным поколением психологов, задающих стандарт расширенной профессиональной подготовки в области человекознания. Б.Г. Ананьев и его ученики дали действительно мощный импульс развитию факультета. Аллахвердов и перевелся в 1967 году на второй курс психфака и специализировался по общей и инженерной психологии. Виктор Михайлович входит в когорту первых выпускников – психологов, закончивших обучение в 1971 году. Он сразу же был принят в аспирантуру факультета психологии, по окончании которой блестяще защитил кандидатскую диссертацию.

В 1973 году Аллахвердов получил распределение в ЛИИЖТ. Это был старейший технический вуз России, собрат Царскосельского лицея и, что еще важнее, отец всех технических школ страны. В нем сохранились благородные традиции Корпуса инженеров путей сообщения. Во главе института стоял замечательный ректор Евгений Яковлевич Красковский, который умел смотреть вперед и понимал, что интерес к «человеческому фактору» со

временем будет только расти. И Красковский умел ценить инициативных людей. А инициативности Аллахвердову было не занимать. Он стал заместителем руководителя «Бюро социальных исследований» при кафедре философии. Бюро это было прибежищем пенсионеров (в основном отставных военных и бывших работников администрации) и занималось вялым сбором транспортных данных, мало к чему обязывающих. Ректор, естественно, хотел иметь продуктивное подразделение и искал толковых профессионалов. Приход Аллахвердова сказался с изумляющей быстротой. В бюро он пригласил молодых, толковых и нестандартно мыслящих людей, которые смогли провести перспективные инженерно-психологические и социально-психологические исследования на железной дороге, дав дельные предложения по улучшению работы транспортников (например, по совместимости членов железнодорожных локомотивных бригад, от которых напрямую зависит безопасность движения, по информационной подготовке машинистов перед рейсом). Началась инженерно-психологическая работа по улучшению диспетчерских пультов метрополитена. Но это были лишь первые шаги. Аллахвердов важной задачей считал изменение культурно-психологического климата в институте и искал пути движения к цели. В стенах ЛИИЖТа была проведена первая в стране межвузовская научная конференция, посвященная организации психологической службы в вузе (которая, разумеется, уже появилась при Бюро). В ЛИИЖТе, по проекту Аллахвердова и его коллег, открылся первый в технических вузах страны тренинговый кабинет (его еще не было даже на факультете психологии ЛГУ). В нем отработывались не только тренинговые формы психологической помощи, но активные методы обучения, что оказало воздействие на педагогический процесс в институте. По инициативе Аллахвердова было открыто отделение психологии на факультете общественных профессий ЛИИЖТа, и некоторые его выпускники затем продолжили образование на факультете психологии ЛГУ и даже защитили кандидатские диссертации. В

начале 1980-х годов в ЛИИЖТе собралась уникальная команда специалистов. Когда в стране насчитывалось лишь около двух тысяч дипломированных психологов, в этом институте их было десять, причем шесть из них – кандидаты наук. Поэтому неудивительно, что образованная в 1982 году кафедра прикладной психологии и социологии стала научным психологическим и культурологическим центром, и Аллахвердов возглавлял ее до 1997 года. В 1994 году он защитил докторскую диссертацию по своей книге «Опыт теоретической психологии», что открыло новую страницу в науке о человеке. Наиболее полно теория Аллахвердова представлена в его книге «Сознание как парадокс» (первое издание осуществлено в 1999 году).

Аллахвердов выступил против попытки преодолеть вялотекущий кризис в психологии признанием равноправия разных взглядов на природу психического и даже провозглашением такого многообразия благом. По его убеждению, теоретический анархизм – это научный тупик. Психология как наука должна иметь четкие основания и рационально объяснять логику психических процессов. Поэтому Аллахвердов и назвал свою теорию психологией. Если обратиться к генезису психологии, то приходится признать, что ее мать – когнитивная психология. Да, целью, смыслом человеческого существования признается познание. И все формы человеческой деятельности направлены, в конечном счете, на постижение истины. Но психология обладает значительно большей философской, культуральной и методологической мощностью, чем ее родительница. И прежде всего потому, что озабочена обоснованием необходимости рассматривать психологические феномены на базе деятельности сознания.

Основной парадокс, с которым сталкивается психология, связан с природой сознания. Сознание, то есть самое важное, что ценит в себе человек, что непосредственно представлено нам в нашем душевном опыте, – в науке выглядит каким-то эпифеноменом. Зачем оно нам? Чтобы выжить? Но в мире достаточно биологических существ, которые живут, не имея

сознания. Чтобы улучшить физиологическую регуляцию? Но в наших действиях часто успех зависит как раз от невмешательства сознания (например, при игре на фортепьяно). Мы очень ценим сознательный подход к делу, однако попытка в творческом процессе ограничиться одними командами сознания – это обречь себя на тривиальность. Аллахвердов задает много подобных неудобных вопросов, но предлагает и свой ответ. Психологика утверждает, что теория психологии должна быть единой. Коль скоро психологи все равно исходят из неких общих установок, то следовало бы определить их основное содержание, пусть даже и не сформулированное четко, а затем его оценить. Думаю, что Аллахвердов прав, когда указывает на физиологию как на наиболее авторитетную «порождающую грамматику» психологических теорий. Именно от физиологии идет традиция поиска measurable границ психологических процессов (объема памяти, порогов чувствительности и т.п.), представление об их иерархии (ощущение – восприятие – память – мышление), разбиение их на блоки (память кратковременная, долговременная), что открывает широкую дорогу к компьютерной метафоре психики (и это при том, что компьютер-то психики не имеет). Самый же переход от физиологических процессов к психологическим выступает как мистический. Прежние разговоры о «переходе количества в качество» выглядят как-то неубедительно. Физиологическая модель, перенесенная в психологию, как раз и слаба тем, что не дает ответа на генезис психики и не определяет сущности психического. Психологика постулирует отказ рассматривать психологические явления на языке физиологии. Подход психологии ценен тем, что переводит в экспериментальную и методологическую плоскость именно названные проблемы. Физиология работает идеально в тех ситуациях, когда приложимы даже очень сложные, но однозначно фиксированные алгоритмы. В тех же случаях, когда точного заготовленного решения нет, она дает сбой, позволяет слепые и нецеленаправленные

реакции. Сознание же возникает для выдвижения гипотез, которые имеют шанс дать когнитивную структуру неопределенной ситуации, а затем включает контроль для проверки подтверждения выдвинутого предположения. Следствия из такой установки весьма серьезны. Физиологические данные представлены в психике в изобилии, сознание же начинает работать лишь с частью предъявленной информации. Совершается позитивный выбор содержательных элементов, которые и будут находиться в сознании и обрабатываться им. Это было известно и раньше (гештальтисты при анализе восприятия фигуры в двойственных изображениях отмечали устойчивость выбора при их повторных предъявлениях). Но Аллахвердов (и в этом заключается его важный вклад в науку!) показал, что сохраняется и последующее неприятие отвергнутых вариантов – действует закон последствий негативного выбора. Это значит, что в специальном отсеке подсознания сохраняется (а не аннулируется) «запретная», но учтенная информация. Наша картина мира напоминает Луну, имеющую светлую и темную стороны. В нас сидит знаний намного больше, чем мы осознаем.

Последствия такой логики для гуманитарного знания весьма серьезны. Например, в педагогике следует отказаться от сравнения сознания ученика с пустым сосудом, в который учитель вкладывает жемчужины знания. Скорее надо помочь убрать барьеры, которые создало сознание, совершив не лучший позитивный выбор и прочно отвергнув оптимальное решение (видимо, вундеркинды, случайно сделав правильный выбор, дальше сами развивают успешную стратегию и достигают быстрых успехов). Можно увидеть приложение такого подхода и к проблемам культуры. Различные национальные стереотипы включают как алгоритмы уместного поведения, так и запреты (например, табу), справедливость которых неочевидна для носителей другой культуры и со временем признается предрассудком. Логика развития познавательных структур, описанная Аллахвердовым, находит также широкий круг применения. Так, утверждается, что сознание

сперва использует наиболее простые гипотезы и лишь со временем в результате проверочной деятельности уточняет и усложняет их. Применимость такого подхода очевидна как в возрастной психологии, так и в историко-культурной. Скажем, интеллектуальная деятельность первобытных и нецивилизованных народов почти не включает механизмы опровержения принятых мнений и регулятивов, а любое их подтверждение считается абсолютным (не действует попперовский принцип фальсификации, что делает любой миф и любую религию принципиально непроверяемыми). Установка «пробуждающегося» сознания реализуется в сверхдетерминизме, который пронизывает любое объяснение реальности как результата чьей-то непоколебимой воли (духа, колдуна и т.п.). Осознание случайности или вероятности происшедшего, равно как и неопределенности будущего успеха – это признак более развитого и более позднего сознания.

«Рефлекторное прошлое» постоянно толкало сознание к пандетерминизму, к вытеснению случайного в пользу закономерного. Возникал так называемый «защитный пояс» гипотез сознания. Все, что подтверждало сформировавшуюся установку, принималось; все, что не подтверждало, – по первости игнорировалось, а затем перетолковывалось в пользу основной гипотезы. Если, например, магические обряды по вызову дождя не остановили засуху, то причину искали в чем угодно: в колдовстве врагов, в неправильном исполнении магического обряда, в невольном осквернении магических предметов, в невыполнении ритуальных запретов участниками обряда, – только не в том, что самая магия недействительна. Выводы Аллахвердова перекликаются с теорией развития культуры М.М. Бахтина. Бахтин противопоставляет архаическую и современную культуры, называя первой главной творческой силой память, а второй – познание. Явно речь идет о переходе от сверхдетерминированного сознания к суверенному.

Сознание, в трактовке Аллахвердова, способно не только отважно биться за свой выбор, свои постулаты, но и преодолевать ограниченность своих установок. Определенное с высокой точностью выпадает из непосредственного осознания подобно затихнувшему тиканью продолжающих ходить часов. Сознание работает только с изменяющейся информацией и особенно внимание уделяет неожиданному, которое сперва с помощью защитных механизмов стремится тривиализовать и лишь в крайнем варианте блокировать. Но жертва прошлого негативного выбора сохраняет немалую активность и при смене когнитивного контекста стремится всплыть в сознании, что собственно и доказывает ее сохранение в подсознании. Так осуществляется творческий процесс, когда успех приносит краеугольный камень, коим пренебрегли строители. Все сказанное связывается с верой в необычайную мощь психики человека. Нам известны привычные пределы, которые являют умственные способности людей: ограниченный объем памяти, внимания, восприятия. Здравый смысл здесь опирается на бытовую эмпирику, а в наукообразной форме выступает как психолого-педагогическая истина, проистекающая из предположения о физиологических границах переработки информации (в современной трактовке она соотносится и с компьютерной метафорой). Аллахвердов же утверждает, что физиологические возможности неограниченны, мозг – это структура, которая может считаться идеализированным объектом. А все ограничения на когнитивную деятельность накладывает сознание во имя стройности и организованности умственной деятельности.

Но зачем объявлять мозг совершеннейшим автоматом, если ясно, что по законам физики и физиологии он имеет обязательные ограничения как материальный объект (по скорости передачи нервного импульса, по конечному количеству нейронов и т.д.). Вот здесь психологика предлагает изящное методологическое решение: по всем параметрам автоматизированных систем нервные процессы настолько сильно

превосходят работу сознания, что по отношению к сознанию мозг может выступать как идеализированный объект. И это фундаментальный постулат психологии. А из него следует весьма серьезный вывод: все ограничения на протекание психических процессов (скорость узнавания, объем памяти и т.п.) следует обосновывать не физиологическими барьерами, а логикой работы сознания.

Предложенная модель появления сознания вызывает ряд вопросов. Если мозг идеальный, то с чего бы ему сталкиваться с неопределенной ситуацией? Ему всегда и все должно быть ясно. Думаю, что такое утверждение опирается на убеждение, что мир неизменен и исчерпаем. Иначе любая заданная программа обработки информации при всем своем мыслимом совершенстве не гарантирована от столкновения с неясной ситуацией. Но мне представляется более серьезным другой аргумент, который присутствует и в рассуждениях Аллахвердова, но незаслуженно отнесен на периферию. Даже математики после Геделя разделяют убеждение, что в любой жестко формализованной знаковой системе (в языке) неизбежно существуют высказывания, о которых нельзя сказать, истинны ли они или нет (типа парадокса лжеца). Чтобы преодолеть возникающую от парадокса неопределенность, приходится имеющийся язык расширять до метаязыка, но у того возникают уже свои проблемы такого же характера. В условиях развития культуры мы наблюдаем изменение реальности в связи с появлением артефактов, техносферы, сдвигов важнейших параметров существования людей (удлинение жизни, снижение детской смертности, рост образованности и т.п.). И эту новую реальность нельзя описать в прежних знаковых системах, – тем более, что меняется и сам человек. Значит, мы опять должны выдвигать новые гипотезы для решения парадоксов бытия, которые сами же и породили. Концепция творчества, выдвинутая Аллахвердовым, соответствует такому пониманию развития личности и культуры.

Сознание появляется как устойчивая реакция на неопределенность состояния, в котором оказалась физиологическая система, ибо ей в ситуации логического тупика остается только два пути: или отключиться, или продолжать действовать, как будто противоречия между программами либо внутри программы не существует, т.е. хаотично. В этот момент включается механизм, названный Аллахвердовым протосознанием: при наличии равноправных вариантов возможного действия оно выбирает случайным образом один, а после его реализации приписывает ему статус обязательного: в таких-то ситуациях поступай всегда так! Случайно выбранное становится детерминантой последующего поведения. Оно обретает свою логику, а потому может быть предметом научного исследования. Верность сознания избранной гипотезе, его расположенность к ней вполне созвучны здравому смыслу. Но психологика идет дальше: сознание последовательно и своей нерасположенности к отвергнутым гипотезам. Они не уподобляются тому, что с воза упало и пропало. Если бы сознание выбирало одно, а прочее обращало в ничто, его деятельность была бы подчинена случайности и сама становилась бы несерьезной игрой. Универсальность сознания в том и состоит, что учтено Все, но это Все разделено на контролируемо принятое и контролируемо отвергнутое. А у сознания есть и материал для работы (осознанное), и резерв (неосознанное). Позитивный выбор стремится к последующей представленности в сознании, а негативный – к невхождению в него. Но при смене ситуации гипотеза, запрещенная ранее цензурой сознания, может в него войти, например, с помощью механизма интерференции, которую Аллахвердов исследовал еще в кандидатской диссертации. А в культурном фонде всегда больше гипотез, чем выбрано социумом как убедительные.

Поэтому расширение возможностей сознания означает облегчение доступа к фактически беспредельной информации, полученной каждым человеком. Каждый человек носит в себе информационный космос.

Бездарность объясняется не наследственностью, не наличием в голове «камня глупости», не объемом мозга, а развитостью личности и ее культурной среды, ибо там находятся динамические силы, способные преодолевать действие неадекватных защитных механизмов. Конечно, глубокая нейропатология может ограничить возможности человека, но никакие физиологические улучшения сами по себе таланта и гения не сотворят. Это дано только суверенному сознанию. Аллахвердов предлагает свое решение парадокса детерминированности и свободы выбора. Негативность как творящее начало выступает в психологии и применительно к одному из самых важных «текстов», каковым является Я-концепция, самосознание личности, развертывающееся как автобиография, ролевая структура, статусная шкала, система Я-образов. И если уж сознание появляется при разрыве физиологической детерминированности, то было бы удивительным, если бы не встал вопрос о свободе воли – о нравственном аспекте проблемы сознания. Признать сознание детерминированным – значит смириться с его несuverенностью. Согласиться с его своеволием, не подвластным никаким регуляторам, – это объявить психологию псевдонаукой. Аллахвердов предлагает третий путь: признать последовательность поведения личности и структурность сознания, но... как следствие его самодетерминированности. Это «само» – источник суверенности – проявляется в связи с действием от противного. Сознание ориентировано на поиски детерминистских объяснений, выдвигая гипотезы о причинно-следственных связях явлений вне и внутри себя. И попадает в логическую петлю. Как оно должно действовать, если выдвинет гипотезу, что оно свободно? В большинстве ситуаций возможны варианты реакций, которые сознание оценивает как адекватные (обоснованные логикой и опытом), неадекватные и неопределенные. При выборе первого варианта у сознания нет никаких оснований выделить себя из окружения. А вот остальные варианты, реализованные в действии, это выделение обеспечат

именно за счет отсутствия внеположенных сознанию причин. Но тут же вступит в силу установка сознания на детерминистское объяснение, которое будет признано удовлетворительным, если признает субъекта действия и помышления их причиной. В дальнейшем же положительно выбранная гипотеза о свободе воли будет нуждаться в подтверждении, которое возможно только в случае совершения очередного действия при отсутствии причин его вынужденности.

Особенно привлекательными для меня являются разделы, посвященные проблеме значения текста. Психологика поет гимн отвергнутому и невысказанному – минусу, фону, негативному выбору, неосознанному. Попробую сконструировать образ текста на манер психологика. Представим себе чашу с жидкостью, которую резко охлаждают с краев. Образуется как бы внутренняя чаша, созданная затвердевшей жидкостью, причем с толстыми краями. Чашу уже можно вынуть. Она стала самостоятельным оформленным предметом. А внутри – во впадине – сохранилась активная влага. Вот на нее-то и направлено внимание, это знак на ледяном фоне. Но могла бы существовать жидкость в «собранном» по определенной форме виде, если бы часть ее не превратилась в затвердевшие границы? Влага – это позитивно выбранная текстовая гипотеза, тяготеющая к буквальному пониманию сообщения. Лед – это негативно выбранная гипотеза или ушедшая из сознания информация по причине своей полной очевидности. Находясь вне сознания, они не подвергаются трансформации, «железно» устойчивы и прочны, а потому создают фиксированное обрамление «подвижной», пребывающей в вечном перемешивании частиц влаги. Да, сознание обрабатывает эксплицитную, выраженную информацию, но ее определенная и сравнительно тождественная выраженность есть следствие негативной фиксации. Если омонимичное слово воспринято с одним значением, то остальные – отвергнутые – плотной стеной окружили «фаворита» и не позволят ему легко поменять обличье. В филологической практике такой

подход играет исключительно важную роль. Опыт специалиста связан не со знанием конкретных текстов, а с пониманием их подразумеваемого содержания, их контекстов – исторических, стилистических, жанровых, – серьезно уплотняющих интерпретацию и определяющих плодотворные направления, в которых имеет смысл уточнять, прояснять, расшифровывать – т.е. трансформировать значение сказанного, выраженного. Филологическая компетентность – способность истолковывать тексты на базе «само собой разумеющейся» и потому не зафиксированной информации, которая является «умственным сокровищем» (тезаурусом) автора и его проницательных современников. Это и есть контекст эпохи. Но она уходит, и подразумеваемое теряет свою очевидность, что приводит к ослаблению границы между сказанным и подразумеваемым как естественное или запретное. Открывается простор для нелепых фантазий дилетантов и модернизаций в угоду как примитивному вкусу масскульта, так и богемным вождениям столичных элит.

Не так часто в современной психологии возникает новая школа. Идеи Аллахвердова оказались столь значительными, что к нему потянулись молодые искатели путей в будущее. В 1997 году Аллахвердова пригласили в Санкт-Петербургский государственный университет: он стал заместителем заведующего кафедрой общей психологии, а вскоре – и ее заведующим. В 1998 году он был избран президентом Санкт-Петербургского психологического общества и возглавлял его 16 лет. На кафедре молодые сотрудники и преподаватели – ученики Аллахвердова – проводили убедительные эксперименты в парадигме психологии, появились кандидатские диссертации, готовятся докторские. Достаточно назвать два сборника научных трудов, в которых опубликованы результаты исследований учеников и союзников Аллахвердова: «Экспериментальная психология познания. Когнитивная логика сознательного и бессознательного» (СПб., 2006 – 17 авторов) и «Когнитивная психология

сознания» (СПб., 2011 – 19 авторов). Сам же Аллахвердов активно пишет статьи и монографии («Психология искусства», СПб., 2001; «Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания», СПб., 2003; «Размышления о науке психологии с восклицательным знаком», СПб., 2009). И все отчетливее проявляется интерес Аллахвердова к феноменам личности и культуры: они последовательно включаются им в ткань когнитивных процессов (особенно в зоне знаковых систем и механизмов отождествления, интерференции, смены контекста, инсайта). Все отчетливее проявляется творческая функция сознания, которая не просто украшает личность и культуру, а выступает как их сущностное начало.

По проблемам психологии печатаются труды, проходят семинары и конференции, читаются открытые лекции в России и за рубежом, в серьезных телепрограммах ведутся передачи. К Аллахвердову и к его школе все больше прислушиваются ученые разных направлений и профессий. Все идет так, как и должно идти. И многого еще стоит ждать от профессора психологии, которому исполняется всего 70 лет. Ходишь рядом с ним и, заинтригованный, думаешь: что же еще он знает о сознании такого, чего пока не знает никто? О сознании! О том, что мы так ценим и в себе, и в людях. И радуешься, что живешь рядом с ним, с Виктором Михайловичем Аллахвердовым, с юбиляром, с искателем и открывателем, – и желаешь ему долгой и насыщенной жизни.